

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И СЕНТИМЕНТАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА «БЕДНАЯ ЛИЗА»

Курбаниязова Динара Сапарбаевна

Преподаватель кафедры языков II университета Oriental

dinarakurbaniyazova15@gmail.com

Назарова Севинч

студентка 2 курса университета Oriental

Аннотация: Данная статья представляет собой всесторонний анализ повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» в контексте становления русского сентиментализма и европейской литературной традиции. Рассматривается уникальная нарративная стратегия автора, формирующая оппозицию «город/природа» и утверждающая ценность человеческого чувства над сословными барьерами. Особое внимание уделяется влиянию классических (Лонг, Шекспир) и, в особенности, сентименталистских источников (Руссо, Гёте) на фабулу произведения, а также его революционному воздействию на формирование русской читательской аудитории и последующей прозы. Исследуется образная система повести, включая роль рассказчика-летописца и архетипическую фигуру Эраста как прообраза «лишнего человека», а также символическое значение пейзажных описаний и новаторство психологического анализа.

Ключевые слова: Карамзин, «Бедная Лиза», сентиментализм, русская проза, нарративная стратегия, сюжет о разлученных влюбленных, «эффект Вертера», социальное неравенство, литературный генезис, хронотоп, психологизм.

CULTURAL-HISTORICAL AND SENTIMENTALIST DISCOURSE OF N. M. KARAMZIN'S NOVELLA "POOR LIZA"

Kurbaniyazova Dinara Saparbaevna

Lecturer at the Department of Languages II, Oriental University dinarakurbaniyazova15@gmail.com

Nazarova Sevinch

2-year Student, Oriental University

Abstract: This article offers a comprehensive analysis of N. M. Karamzin's novella *Poor Liza* within the context of the emergence of Russian sentimentalism and the European literary tradition. It examines the author's distinctive narrative strategy, which constructs the opposition between "city" and "nature" and affirms the value of human feeling over social and class barriers. Special attention is paid to the influence of classical (Longus, Shakespeare) and, in particular, sentimentalist sources (Rousseau, Goethe) on the plot of

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

the work, as well as to its revolutionary impact on the formation of a Russian reading public and the subsequent development of prose fiction. The study explores the novella's system of imagery, including the role of the narrator-chronicler and the archetypal figure of Erast as a prototype of the "superfluous man," as well as the symbolic significance of landscape descriptions and the innovation of psychological analysis.

Key words: *Karamzin, Poor Liza, sentimentalism, Russian prose, narrative strategy, the plot of separated lovers, the "Werther effect," social inequality, literary genesis, chronotope, psychologism.*

ВВЕДЕНИЕ

Произведение Н. М. Карамзина разворачивается, начиная с обширной экспозиции, которая не просто очерчивает сцену действия, но и устанавливает бинарную структуру художественного космоса, основанного на антагонизме социокультурных пространств (пасторальная деревня и символический монастырь, противостоящие агломерации города). Фигура Повествователя имеет критическое значение в этой структуре. Он позиционирует себя как лицо, близкое к Эрсту, что придает его рассказу инсайдерскую достоверность. При этом, будучи глубоко проникнут эмпатией к героям, он сознательно дезавуирует себя как моральный арбитр или «бог произведения». Его функция — это роль летописца или хроникера, который фиксирует «печальную быль», а не создает вымышленный «роман», что подчеркивается риторическим вопросом: «Для чего пишу не роман, а печальную быль?»

Сюжетное ядро повести Карамзина восходит к античной фабуле о трагически разлученных влюбленных. Среди выдающихся прецедентов этой традиции — идиллическая пастораль «Дафнис и Хлоя» Лонга, исповедальная «История моих бедствий» Абеяра и ренессансная трагедия «Ромео и Джульетта» Шекспира. Однако непосредственное влияние на карамзинскую модель в рамках сентименталистского дискурса оказали два европейских шедевра: «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо и «Страдания юного Вертера» И. В. Гёте. В своем эссе «Письма русского путешественника» Карамзин уже предвосхищает эту связь, обсуждая оба произведения, что служит своего рода пролегоменом к его будущей повести. Героиня Руссо, Юлия д'Этанж, подобно Лизе, переживает «падение» в объятиях возлюбленного. Ее последующая участь (вынужденный брак с благородным соперником и гибель от простуды после спасения сына) рифмуется с элементами трагической судьбы Лизы. Герой Гёте, снедаемый любовью к Шарлотте, совершает самоубийство, а в сюжетной канве романа присутствует рассказ о девушке, утопившейся после разрыва, что предвосхищает трагедию Лизы. Эти сюжетные заимствования служат Карамзину каркасом для утверждения центральной сентименталистской идеи: непреходящей ценности человеческих аффектов. Автор настаивает, что человеческие страсти и слабости

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

не только достойны сочувствия, но могут быть и прекрасны. Сравнительный анализ с более ранней повестью П. Львова «Софья» (где героиня топится, но ее судьба трактуется в классицистическом духе как «справедливое возмездие» за предпочтение «сластолюбивого негодяя» благородному Менандру) выявляет новаторство Карамзина. Его Лиза, невзирая на сословное положение, возводится в духовное благородство. Признание того, что крестьянка может быть «в нравственном отношении гораздо выше... дворянина», вероятно, свидетельствует о следовании гуманистическим импульсам А. Н. Радищева из его «Путешествия из Петербурга в Москву».

Публикация «Бедной Лизы» спровоцировала невиданный ранее фурор, став «первым образцом русской беллетристики». Она ознаменовала переход от узкого, специализированного круга читателей к новой, социально определенной аудитории дворян, которая начала систематически читать на русском языке. Карамзин, благодаря публикации в журнальном контексте, фактически выступил создателем этой «новой и под новым знаком объединившейся читательской аудитории». Трагическая развязка вызвала невероятный эффект новизны, сопоставимый с гётевским романом, породив свой «эффект Вертера» — зафиксированы сведения о волне подражательных самоубийств среди юных девушек. Места действия (Симонов монастырь и пруд) превратились в сакрализованные места паломничества. Современники свидетельствовали о том, как «все тогдашние светские люди пошли искать Лизиной могилы». Надписи на деревьях вокруг пруда (например, сентиментальная эпитафия с фронтисписа: «В струях сих бедная скончала Лиза дни; / Коль ты чувствителен, прохожий! воздохни») и даже ехидные эпиграммы («Здесь бросилась в пруд Эрастова невеста. / Топитесь, девушки: в пруду довольно места!»), сохраненные историей, подчеркивают широту и глубину общественного резонанса. При этом существовало предание, что этот пруд выкопал Сергей Радонежский, что делало почитание юной самоубийцы неуместным. Нарождавшаяся профессиональная литературная критика также приветствовала произведение. В 1797 году П. Шаликов в статье «К праху бедной Лизы» утверждал, что повесть изменила само мировосприятие и пейзажа: «Одно нежное, чувствительное сердце делает тысячу других таковыми». В. А. Жуковский позднее признавал, что проза Карамзина и его «Московский журнал» осуществили «полный переворот в русском языке».

Сюжет «Бедной Лизы» был воспринят и романтической литературой (отголоски в «Эде» Баратынского и «Повестях Белкина» Пушкина). Исследователи сходятся во мнении, что именно с этого текста берет начало новая русская проза. П. Вайль и А. Генис отмечают, что образ Лизы породил «бесконечную череду литературных крестьян», а раскаяние Эраста стало источником «заботливо

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

лелеемой вины интеллигента перед народом». Художественное закрепление образа произошло в 1827 году, когда В. А. Кипренский создал портрет героини. Кроме того, традиция называть несчастных героинь именем Лиза вошла в арсенал русских классиков.

Действие повести локализовано в самом начале 1760-х годов в окрестностях Москвы (предположительно с мая по сентябрь). Повесть открывается детальным топографическим описанием. Повествователь, описывающий себя как фланёра («Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле...»), демонстрирует личное знание местности, окружающей Симонов монастырь, которая в XVIII веке находилась за чертой города. Друг Карамзина, переводчик Александр Петров, описывал его времяпрепровождение как «ездит под Симонов монастырь и прочее обычное творит». Пространственная композиция наполнена символическим смыслом. С высокого берега у Симонова монастыря, где стоит заброшенная хижина Лизы и ее матери, открывается видовая точка, откуда обозревается сцена драмы:

«Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей... Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река... На другой стороне реки видна дубовая роща...»

Здесь закладывается фундаментальное для сентиментализма противопоставление города и пасторальной природы. Слово «ужасная» относится к размерам города, но подсознательно воспринимается и как его качественная характеристика. «У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город», — говорит мать Лизы. Симонов монастырь, описываемый в 1792 году (время написания) как ветшающий и опустевший, идеален для меланхолического созерцания. Заброшенная хижина Лизы, находящаяся на возвышении, составляет эмблематический ансамбль с руинами монастыря, противостоящим губительному городу.

Программное заявление Повествователя: «Ах! Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!» утверждает сентименталистский идеал.

Платоническое намерение Эраста («Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою...») быстро теряет бесплотность. Вмешательство Повествователя, риторически вопрошающего: «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?», подчеркивает отказ Карамзина от морализаторства в пользу руссоистской трактовки естественности страсти. Сцена «падения» Лизы,

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

обходится без прямого описания, используя новаторскую пунктуацию (тире, многоточия, восклицательные знаки): «Она бросилась в его объятия — и в сей час надлежало погибнуть непорочности!...». П. Вайль и А. Генис отмечают, что фрагментарность синтаксиса символически передает прерывистость и волнение аффектов, закладывая традицию эфемистического описания интимности в русской литературе.

После этой сцены отношения неумолимо движутся к финалу: возникает война, на которую Эраст вынужден ехать. Сцена расставания пронзена теми же тире, передающими психологическое состояние: «Лиза рыдала — Эраст плакал — оставил её — она упала...». Затем выясняется, что Эраст в армии проиграл свое имение в карты и вынужден был жениться на состоятельной вдове. И. Клейн выделяет «лейтмотив денег» (от первого рубля до ста рублей), который подчеркивает поверхностность и прагматизм Эраста. Лиза погибает не от позора, а от обмана и разлуки. А. Н. Архангельский отмечает ее частичную зараженность «духом неискренности» города, хотя «сельская чистота не исчезла». Эраст, пережив эту трагедию, «Он до конца жизни останется чувствительным, не сможет утешиться» – что позволяет исследователям считать его прообразом «лишнего человека».

Дворянское происхождение и образованность Эраста противопоставляются силе и наивности чувств крестьянки. Эраст — фигура проторомантика: «Он вёл рассеянную жизнь... скучал и жаловался на судьбу свою». Мысль о браке с крестьянкой для Эраста немыслима (несмотря на то, что это не было запрещено законом, это был невероятный эксцесс). Эраст не делает ей предложения. Впоследствии Карамзин, возможно, пытался реабилитировать это имя в других повестях. Пейзаж — дубовая роща, пастухи, ветшающий Симонов монастырь, противостоящий «развратному городу» — глубоко эмблематичен. Карамзин воспринимает природу через литературный фильтр (*life imitates art*), сопоставляя реальные впечатления с описаниями Д. Томсона и Клейста.

В. Н. Топоров отмечает, что в «Бедной Лизе» «впервые в русской культуре художественная проза создала такой образ подлинной жизни, который воспринимался как более сильный, острый и убедительный, чем сама жизнь». Пейзажи выполняют активную роль, вторя или контрастируя с душевным состоянием: «общая радость природы чужда твоему сердцу». Смена эпитетов вокруг пруда отражает трагедию. Пруд, бывший свидетелем счастья, изначально «глубокий чистый». После разрыва Лиза видит себя у «глубокого пруда», а после ее гибели пруд лишается эпитетов, а дуб становится «мрачным»: «Её погребли близ пруда, под мрачным дубом».

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

Сентиментализм перенес акцент с рациональности на открытое чувство, провозгласив его высочайшей ценностью. Краткость и афористичность «Бедной Лизы» дарят русской культуре трюизм-откровение «и крестьянки любить умеют». Сам Карамзин, по свидетельству Жермены де Сталь, был «Сухой француз». Однако, как отмечает В. Топоров, он был аналитиком чувства, осуществившим «открытие высокого эротизма и образцы нового языка любви». «Письма русского путешественника» создали необходимый эмоциональный контекст, в котором «Бедная Лиза» стала ярчайшим выражением и кратким манифестом сентиментализма.

Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» является эпохальным произведением, осуществившим революцию в русской литературе, утвердив принципы сентиментализма и заложив основы современного литературного языка. Через структурную оппозицию «город – деревня» и гуманистическое утверждение духовного превосходства крестьянки Лизы над дворянином Эрастом, Карамзин провозгласил ценность искреннего чувства выше сословных предрассудков. Новаторский психологизм, выраженный в использовании пунктуации для передачи аффектов, и глубокий общественный резонанс («эффект Вертера») обеспечили повести статус фундаментального текста, с которого начинается отсчет новой русской прозы и формирование архетипов, включая фигуру «лишнего человека».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Архангельский А. Н. Герои классики: продлёнка для взрослых. М.: АСТ, 2018.
2. Вайль П. Л., Генис А. А. Родная речь. М.: КоЛибри, 2008.
3. Головченко Г. А. Образ девушки Лизы как один из сквозных образов классической русской литературы // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 6. С. 89–104.
4. Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
5. Зорин А. Л., Немзер А. С. Парадоксы чувствительности: «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М.: Книга, 1989. С. 7–54.
6. Канунова Ф. З. Карамзин и Стерн // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и её международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 258–264.
7. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010.
8. Кобрин К. Р. Разговор в комнатах. Карамзин, Чаадаев, Герцен и начало современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

"INNOVATIVE ACHIEVEMENTS IN SCIENCE 2025"

9. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987.